

ОВАНЕС ТУМАНЯН
ТЫСЯЧЕГОЛОСЫЙ СОЛОВЕЙ
<Отрывки из неоконченной поэмы>

© Перевод М. Столяров

I

АРЭГ В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Шел долго доблестный Арэг и видит: вокруг него страна,
Где черны небо и земля и ночи тень черным-черна.
Вот замок черный перед ним вознес громады черных стен.
Оттуда слышен песни звук, — тоской тот звук запечатлен.
Там дева наверху стоит, и слезы льет, и вниз глядит,
И песни горестный напев из уст красавицы звучит.

Дева

Увы! Зачем пришел, храбрец,
Ты в эту мрачную страну?
Кто путь направил твой сюда,
Того добром не помяну.
Беги, оставь наш черный край,
Или растерзан будешь ты:
Сейчас появится, узнай,
Дэв-людоед из темноты.

Арэг

Кто ты, красавица, скажи?
Зачем тебя я вижу тут?
И почему глаза твои

Так безутешно слезы льют?
Ты так прекрасна, так нежна;
За что, ответь — я не пойму, —
Печальная, заточена
Ты в эту мрачную тюрьму?

Дева

Ах, я красива, — за собой
Лишь эту знаю я вину;
Из-за нее явился дэв
В мою чудесную страну.
Нашел меня, меня схватил,
Унес из родины моей
И в замок черный заточил.
Где я не знаю светлых дней.
Здесь, жалкой пленницей его,
Томясь, и плача, и грустя,
Живу, не вижу никого,
И безотраднa жизнь моя.
Храбрец, ждать дэва не держай.
Он близок, грозный людоед.
Беги, оставь наш черный край —
Или тебе спасенья нет.

Арэг

Не испугаюсь я, сестра, —
Не страшен храбрым смерти зев.
С тобою здесь останусь я,
Какой ни угрожай мне дэв.
Уж не расстанусь я с тобой,

Или в бою погибну, знай,
Иль бросишь и сама со мной
Ты этот черный, мрачный край.

Одно поведай мне скорей:
Откуда должен дэв прийти,
И, чтоб сразить его верней,
Куда мой лук мне навести?

Дева

Вот из-под черной той горы
Сверкнет его свирепый взор.
Бьет красный пламень изо рта,
Колеблет голос гребни гор.
Семь алчных у него голов.
Его в четвертую одной
Стрелой единственной рази,
Хотя б просил он о второй.
Гляди! Вот он идет во мгле.
Всё сокрушая, всё губя.
Уйди, а я в моей тюрьме
Молиться буду за тебя...

И за кромешной черной тьмой сокрылись даль и гор края...

Раздался дэва грозный рёв — качнулись небо и земля.

Пришел он, пламенем дыша, подобен туче грозовой.

Пришел, как море в скалы бьет рассвирепевшею волной.

Грозя, на светлого врага он бросил разъяренный взгляд,

И голос загремел во тьме, как грома тяжкого раскат.

Черный дэв

Кто ты, земное существо?

Как ты попал, смельчак, сюда?
Иль имя грозное мое
Не слыхивал ты никогда?
Не видел сёл и городов,
Где я прошел, грома, губя?
Пожрал я тысячи бойцов
Храбрей, огромное тебя.
А ты — ты кто такой, малыш,
Что принял столь отважный вид?
Как звать тебя? Хочу я знать,
Кого пожрать мне предстоит.
А ну — с чем выйдешь на меня?
Вот у меня есть семь голов —
Так в клубах дыма и огня
Гремят раскаты грозных слов.

Арэг

На бой, чудовище, иди.
Перед тобой стою я смел.
Есть сердце гордое в груди,
В руках семь смертоносных стрел, —
Сказал Арэг и поднял лук, и, ярым голосом взревев,
Сраженный меткою стрелой, кляня Арэга, рухнул дэв.
«Ударь еще!» — рыча, молил
В предсмертных муках исполин.
«Один у матери я был,
Один зарок, удар один!» —
Ответил доблестный Арэг, и умер черный дэв, и вот
На черную его страну потоки света солнце льет.

II

СКОРБЬ ПЕВЦА

В день праздника, в весенний день, сиявший с голубых высот,
Мечеть далеко обступив толпой бесчисленной, народ
Моей молитвы ждал. Взошел я радостно на минарет.
Внизу — широкая земля, вверху — небес бездонный свет...
...Вся — жизнь, вся — лучезарный свет, вся — радость, нежность, красота.
Глядел, глядел я и пьянел, глаза сияли всё темней.
Невольно, смутно, как во сне, устами я склонялся к ней, —
И вдруг горячий поцелуй зажегся на моих устах,
И женский голос в тот же миг укором прозвучал в ушах:
«Увы, несчастный, сколько благ ты с поцелуем потерял!»
«Увы, несчастный!» — вокруг меня весь лес чудесный повторял.
Один стоял я, изумлен, томясь раскаяньем, но вдруг
Вновь услышал невдалеке я голоса волшебный звук.

Третья пери

Две лилии,
Сестры мои,
В благоуханной тишине,
С дыханьем струй
Свой поцелуй
Издадека прислали мне.
И третью деву вижу я, — пленительна она была,
Подобно лилии лесной, что между травами выросла.
Молчанье прежнее хранить на этот раз не стало сил, —
И вот собрался с духом я и с девою заговорил:
«О, сжался, госпожа, скажи, в какие дивные края
Перенесен я, и кто вы, что так терзаете меня?»

Я — человек: не устоять мне против вашей красоты.
О, сжался, сжался — не томи меня соблазном новым ты». —
«Ты в заповедной той стране, где смертных не было дотоль,
Где не известна никому земная страсть, земная боль!
Лишь мимолетная мечта вас переносит в ту страну.
Приди — честна твоя душа: в твоих объятьях отдохну.
Но не целуй меня, смотри, — иль, сколько горьких слез ни лей,
Уж будет поздно: никогда утраты не вернешь своей».
Так хороша она была, так лик ее обворожал,
Что и на этот, третий раз я обещанья не сдержал.
С упреком молвила она: «О недостойный смертный, прочь!»
И вмиг сокрылась от меня таинственного рая дочь.
А я, растерян, одинок, стою и думаю опять:
За вожделенный миг один как мог так много я отдать?
Всё думаю, и всё иду, ищу кругом, ищу везде —
Куда, чудесные, ушли, куда исчезли девы те?
Но тщетны поиски мои: нигде не видно ни одной.
Охвачена моя душа глубокой скорбью и тоской.
И стало всё вокруг меня пустынно, сумрачно, мертво.
Вздыхаю я, ищу, зову — увы! не вижу никого.
Вдруг грозный голос надо мной взгремел: «Убрать его тотчас!»
И потемнело всё кругом, и дивный край исчез из глаз:
И в том же грязном городке на минарете я стою,
Неисчислимая толпа молитву слушает мою.
И, полон пламенной тоски, всё в тот же день уж сколько лет.
Как нынче, радостен, счастлив, взбираюсь я на минарет.
О светлых пери я пою, надеждой трепетной дыша,
Всё им одним посвящено — и песнь, и грезы, и душа,
Но тщетно жду за годом год, чтоб птицы сказочной крыло
Вновь подхватило бы меня и к светлым пери унесло.